

Новые книги

Памяти Леонида Абрамовича Гордона¹

Социологи призывают к экономистам и политикам: «Господа, думайте о социальных следствиях проводимых реформ!». Размышления при изучении последней соавторской книги Л.А. Гордона и Э.В. Клопова «Потери и приобретения в России девяностых». В двух томах. М.: Эдиториал УРСС, 2001.

Ядов Владимир Александрович

Институт социологии РАН

Двухтомник Леонида Гордона и Эдуарда Клопова – воистину событие в нашей социологической литературе. Авторы представили онтологию о положении народных масс в России, рабочих в особенности, с начала реформ и до конца 90-х. Как заявлено во введении, гражданская и идейная позиция авторов – следовать народническо-социалистической традиции (с. 4).

Не могу не рассказать, как Леонид Гордон при торжественном открытии фонда М.С.Горбачева реагировал на доклад А. Н. Яковлева, только что (правда, ненадолго) занявшего должность исполнительного директора, перед солидной, но достаточно узкой, элитной аудиторией «шестидесятников». Его сообщение называлось примерно так: «Что из социальных теорий нашего века способно перейти в наступающее столетие». В своем часовом выступлении докладчик уделил немало внимания критике ошибок Маркса и марксистов. Первым, кто задал вопрос выступавшему, был Леонид Гордон. «Александр Николаевич, – сказал Гордон, – я никогда не был членом партии, но считаю себя марксистом. Вы же были Секретарем ЦК КПСС по идеологии. Неужели Вы не находите у Маркса ничего позитивного?» Последовала незабываемая реплика А. Яковлева: «Если хотите, чтобы вам осветили позитивные стороны марксистской теории, пригласите другого оратора». Позже Владимир Шляпентох с присущим ему сарказмом комментировал этот эпизод как образец «кассетного мышления». Одна кассета изъята, другая вставлена.

Рецензируемая монография о потерях и обретениях российского населения в 90-е гг. демонстрирует принципиально иной интеллектуальный аппарат работы ученых: авторы ничего не забыли из классики, питавшей социал-демократов, но многому научились. Они не забыли, что общественное устройство – это, прежде всего, способ производства и соответствующие ему взаимоотношения социальных групп и классов; но, помимо того, это социально-культурная система, что в марксистской традиции определенно недооценивалось, а то и вовсе игнорировалось. Они остаются на позициях скрупулезного анализа экономических реалий реформируемого общества и интенсивно обращаются к статистике труда, показателям уровня доходов населения (явных и скрытых), статистике забастовок рабочих и данным опросов относительно мотивации

¹ О Л.А.Гордоне см. также: Экономическая социология. 2001. Том 2, № 4.

рабочего движения; анализируют историю профсоюзного движения последних лет и сравнивают трудовые отношения советского периода с сегодняшним состоянием по сути катастрофического упадка функций профсоюзов как представителей интересов наемных работников (приводятся соответствующие данные представительных опросов). Авторы детально описывают процессы социального расслоения, проявления теневой экономики в области трудовых отношений (укрываемые от налогов выплаты «в лапу», с подсчетом пропорций легальных и нелегальных выплат); они рассматривают повседневный быт россиянина и сдвиги в том, что называлось досугом трудящихся (вспомним классическую работу Л. Гордона и Э. Клопова «Человек после работы»). Наконец, они ответственно пытаются «свести баланс» того, что выиграла и что проиграла основная масса нашего населения вследствие непоследовательных реформ.

Прежде всего, следует обратиться к первому тому сочинения, в котором Леонид Гордон (историк по базовому образованию) обсуждает особенности российских трансформаций в ретроспективе и перспективе². Главная мысль состоит в том, что при некоторых общих закономерностях перехода к *«научно-индустриальному обществу»*, вследствие разницы предшествующего развития, сдвиги, составляющие научно-технический переход, в разных странах, и, что еще важнее, в разных типах стран, отличаются существенным разнообразием (с. 20). Здесь существенно заметить более точное наименование фазы европейских трансформаций, нежели переход от доиндустриального к индустриальному обществу. И я чувствую благотворное влияние именно Маркса, который утверждал, что, когда наука станет непосредственной производительной силой, весь облик социально-экономического устройства радикально изменится. Маркс, правда, связывал этот перелом с возникновением коммунистической формации, но методологически он схватил проблему точнее, чем другие видные мыслители. Сегодня мы имеем разнородные концепции, одна из которых доиндустриальное – постиндустриальное, а другая – технотронное, либо информационное общество. Гордон объединил эти концепции в одну и сделал маленькое открытие. Впрочем, когда Питирим Сорокин впервые употребил понятие социально-культурная система, это тоже было маленьким открытием, - нынче никто и не задумывается об «изобретателе» термина, настолько он стал привычным.

Особенности наших прорывов к научно-индустриальному обществу автор усматривает в отсутствии политической демократии, патриархальности и необразованности, отсутствии гражданского общества и безусловном давлении государственных структур. В итоге – постоянное отставание и «догоняние»: в 90-е гг. мы отставали от развитых стран Запада на 2-3 порядка по всем главным направлениям экономико-социального развития (с. 29). Из этого авторы делают вывод, что российские преобразования займут период не одного поколения (страстные возражения против такого заключения и, в частности, на международных конференциях «Куда идет Россия?»³ имеют скорее эмоциональную, нежели рациональную основу).

Авторы точно указывают на наиболее уязвимое место наших трансформаций – слабость государства, развал государственных институтов, а отсюда все «прелести»

² Относительно авторства Гордона – это мое предположение, поскольку сами авторы не указывают, кем именно написан тот или иной раздел, но я неоднократно участвовал в обсуждениях выступлений Леонида Абрамовича по этим сюжетам.

³ Речь идет о ежегодных Международных симпозиумах Интерцентра МВШСЭН. Обзор материалов Симпозиума см.: Экономическая социология. 2000. Том 1. № 2. С. 85-93.

ельцинского периода и нынешние, далеко не преодоленные: недоверие всем социальным институтам, теневая экономика и т.д.

В восстановлении государственности усматриваются не только плюсы, но и опасность авторитаризма. Историко-прогностические схемы, приводимые в книге (например, на с. 85), указывают на высокие возможности становления авторитарного режима. Авторы книги еще не знали, что случится в сентябре 2001 г. в США и к чему это уже сегодня ведет не только в России, но и в самой демократической державе мира, где Президент санкционировал прослушку телефонных переговоров, – а что дальше? Мы еще будем вспоминать 90-е как эпоху невиданного либерализма.

Перспективы развития гражданского общества авторы также оценивают достаточно пессимистично. (Достаточно заметить, что само государство в лице Президента собирает на днях «Гражданский форум», чтобы, что называется, начать построение гражданского общества в России как всегда «сверху». Воистину Россия – это «другая Европа», как сформулировала В.Г. Федотова.)

Большая часть двухтомного сочинения посвящена анализу реального экономического и социального положения граждан России и положению рабочих в особенности, роли профсоюзного движения. Здесь нельзя не отметить скрупулезность, детальность, фактуальную обоснованность анализа тех тенденций, которые практически «у всех на виду». Мы знаем о расслоении на богатейших и основную массу бедствующих, знаем о бессилии профсоюзов (даже неофициальные профобъединения, показывают авторы, сближаются с традиционными профсоюзами, ничуть не выигрывая от этого в своем авторитете среди наемных работников). Используя данные ВЦИОМ, авторы показывают (с. 219), что с 1994 по 2000 гг. доля «вполне доверяющих профсоюзам» колебалась среди всех групп населения в пределах 8–10%, в среде рабочих от 9 до 14%, а доля считающих, что профсоюзы «совершенно не заслуживают доверия», постоянно и во всех группах составляет четыре десятых! Как далеки мы от цивилизованного классового капиталистического общества, где одни владеют средствами производства и извлекают прибавочную стоимость от эксплуатации труда наемных работников, а последние продают свою рабочую силу, но как при этом торгуются! Дело не в той классовой солидарности пролетариата, каковая революционным путем «повернет ход истории», – здесь пророчества марксистов исторически не подтвердились. Проблема в осознании солидарности работников наемного труда в их переговорах с работодателями под гарантии достигнутых договоренностей со стороны закона – так называемый трипартизм.

Позволю себе отступление в личные воспоминания, связанные с впечатлениями о действии данного правила межклассовых отношений в «цивилизованной» Германии. Приблизительно в 1997 г. я имел возможность «включенного наблюдения» переговорного процесса между советом профсоюзов и хозяевами сталелитейной компании IG Farbenindustri. С обеих сторон выступают эксперты, которые анализируют экономическую конъюнктуру и выдвигают свои требования: профсоюзы – повысить тарифные ставки, работодатели – против. Аргумент со стороны последних таков: да, мы находимся на подъеме и можем поднять тарифы, но не на столько, насколько вы требуете. Почему? А по той причине, что ваши товарищи из бывшей ГДР находятся в тяжелейшем положении и следует увеличить отчисления в бюджет для подтягивания Восточных земель. Кто должен помогать восточным сталелитейщикам, как не IG Farbenindustri – монополия в сталелитейном производстве? Вы намерены проявить солидарность с восточными немцами? – таков был общий тон переговоров, длившихся три дня. Я вернулся в штаб-квартиру компании к моменту подписания Генерального соглашения. И что услышал? Профсоюзники заявляли о безусловной солидарности с

восточными товарищами, представители капитала выражали сожаление, что не могут поднять ставки выше определенной (не помню какой) суммы. Далее – подписание Генерального соглашения и фуршет. Самое главное: соглашение устанавливает нормативы оплаты труда по профессиям и разрядам, и если соглашение нарушит работодатель, узаконена забастовка (с оплатой по суду нерабочих дней). Если же рабочие потребуют более высокой, чем определено соглашением, оплаты труда, закон не признает забастовку правомочной. Будет ли такое в близком или хотя бы неблизком будущем в системе наших трудовых отношений? Десять лет пребываем в рыночной экономике «спесфицкого» типа (как проговаривал Аркадий Райкин), а Дума все еще не обсуждает Трудовой кодекс – основу основ отношений между трудом и капиталом!

Сильное впечатление производят статистические свидетельства соотношения легальных и теневых выплат работникам. Резюмируя многочисленные статистики, авторы заключают, что «с разумной уверенностью можно говорить, что действительные размеры заработной платы в нашей стране превосходили официальные показатели не менее, чем в 1,1-1,3 раза и не более, чем в 1,4–1,5 раза за период 1995-1999 гг.» (с. 271 второго тома). Отсюда, – заключают коллеги, – разрушение нравов, что не менее, а явно более существенно в социальном смысле и на длительную перспективу.

Надо особо отметить тонкий анализ именно морально-психологических следствий экономического неустройства. В книге содержится фрагмент, ранее опубликованный Л. Гордоном в «Независимой газете». Показано, что задержки с выплатами вызвали особый психологический стресс, стимулировали бурные протесты вроде «рельсовой войны» шахтеров. Но... оказывается, что при аккуратных экономических подсчетах работодатель терял больше, сравнительно с тем, что было бы при стабильных выплатах. Воруют! Потому что не немцы, а, так сказать, бизнесмены «отечественного разлива».

Авторы совершили методологическое открытие в наиважнейшей проблематике анализа социального расслоения. Они предложили свой *многомерный метод расчетов уровня благосостояния*. В интегральном показателе учитываются: общая оценка материального положения (самооценка), уровень душевого дохода, качественно-описательная характеристика уровня жизни (*живем без забот – экономим, но все же... - едва сводим концы с концами - живем за гранью бедности*), обеспеченность современным домашне-семейным имуществом (высокая, средняя, низкая; полная необеспеченность), удовлетворенность питанием (от «вполне удовлетворен» до «совсем не удовлетворен») и, наконец, удовлетворенность жильем (с. 442). По существу, это показатели качества жизни, т.е. самовосприятия благополучия-неблагополучия, что классические марксисты никоим образом бы не одобрили (сколько споров на эту тему было в середине 70-х и сколько обвинений в буржуазном идеализме со стороны таких ученых, как, например, И. Чангли). Между тем, именно самовосприятие условий жизни есть факт, достойный самого пристального внимания социолога, ибо оно-то и образует «социальную реальность», побуждающую живого субъекта к социальному действию или бездействию. В итоге авторами было установлено, что с 1995 до 1997 гг. имело место вполне устойчивое расслоение граждан России: в относительно благоприятном положении пребывали 15%, в бедственном постоянно находилось около трети и остальные – в промежуточном состоянии (с. 453). Другие авторы приводят иные статистики, а «по гамбургскому счету» картина получается аналогичной.

Еще один сюжет (на всех проблемах, затрагиваемых в сочинении, остановиться просто невозможно!) достоин быть отмеченным – концепция «*усеченной безработицы*». Излишки рабочей силы, детально показывают авторы, были повседневной нормой

советской экономики, отчего и ужасающе низкая производительность труда в расчете на одного работающего. Опять тянет меня поделиться собственными впечатлениями от той же Германии. На этот раз – впечатления инвалида с вывихнутой рукой, которого добрый немецкий профессор за свои деньги пригласил обследоваться в Билефельдском Krankenhaus – Дом для больных, – элегантно названное обычной немецкой больницы. Стоит ли говорить, что ни я, ни кто-либо из местных калек не ждали более 3-5 минут приема врача. Фантастическое шоу последовало немедля после приема. Доктор отдал распоряжения по обследованиям, каковые его сестра вручила набранными на компьютере высокому персонажу в белом халате. Дальше разные люди (младший персонал – в зеленых халатах), как по конвейеру в фильме Чарли Чаплина буквально «протащили» больного, помогая снять и одеть наново и опять снять одежду. Помогали кто в белом, кто в зеленом. При снятии томограммы дама в белом детально объясняла, что происходит в моих сосудах и развернула так, чтобы я сам мог читать картинку на экране. Внимание! Когда кто-либо из белых халатов нуждался в помощи сотрудника в зеленом, он вызывал его по микрофону, приколотому к вороту халата. Ни в одном кабинете я не видел двух человек, второй появлялся на время и тут же исчезал. Сравним с приемом в поликлинике РАН. Спецобслуживание крупных ученых, академиков. Ожидание у врача не менее получаса, если повезет. В кабинете непременно сестра, которой решительно нечего делать во время осмотра больного, ее функция – выписать назначение на какой-нибудь анализ, тогда как доктор сам аккуратно заполняет историю болезни. Таких глупостей, как помочь снять одежду, даже если твоя рука недвижно висит, естественно нет.

Итак, вернемся к проблемам производительности труда в России не по личным впечатлениям, а по книге коллег. Избыток рабочей силы – факт. Унаследованный избыток рабочей силы авторы оценивают в 15% плюс экономический спад. «Полноценной работой», по оценкам специалистов, могли быть заняты 3/5 или 2/3, а фактически работали 9/10. Если на рубеже 90-х превышение потребной рабочей силы оценивалось примерно в 15% экономически активного населения, то к концу 90-х оно составляло одну треть или две пятых числящихся работающими, но фактически занятых далеко не в полную меру (с. 63). Это и определено авторами в качестве усеченной безработицы. Что дальше? При такой ситуации – низкие заработки с обоюдного согласия работодателя и работника. И как на этом фоне Президент Путин настаивает на вхождении во Всемирную торговую ассоциацию? Там же существуют общие нормативы, определяющие рыночную стоимость товаров, что непосредственно зависит от уровня производительности труда. Социологу, как и рядовому гражданину, понять способ решения проблемы не под силу. Мы же не рассчитываем на достойные, по западным стандартам, пособия безработным? Неужто опять эксперты экономисты предложат реформы, напрочь игнорируя их социальные следствия?

Стоит поразмыслить над заключением проведенного авторами добротного анализа положения народных масс в России. Каков же «баланс» потерь и приобретений? Авторы сводят итоги своего труда в прозрачную схему на с. 480.

Показатели улучшения и прогресса они фиксируют так:

- (а) формирование подлинных профсоюзов, свобода забастовок, начало демократизации трудовых отношений;
- (б) преодоление дефицита промышленных и потребительских товаров;
- (в) обновление и рост товаров бытовой техники;
- (г) прогресс в автомобилизации и телефонизации;

- (д) свобода в выборе форм досуга и получении информации;
- (е) свобода выезда за границу.

Потери:

- (а) сокращение доходов и покупательной способности большинства населения, низкие пенсии и потеря прежних сбережений;
- (б) задержки выплат зарплаты, пенсий, пособий;
- (в) безработица;
- (г) ухудшение питания;
- (д) потери в досуге и обеспечении отпускного отдыха;
- (е) деградация воспитания и отдыха детей;
- (ж) кризис образования, вплоть до отсева из школ и детской беспризорности;
- (з) опасность распада жилищного и коммунального обслуживания.

Справедливо не берясь рассчитывать этот баланс в рублях или иных числах, авторы следующим образом формулируют «обобщенно качественный вывод»: «...в сфере социально-экономического положения в узком смысле этого понятия (то есть, отвлекаясь от политических и духовных сдвигов, где прогресс особенно очевиден), так сказать, в непосредственно жизненной обстановке каждодневного труда, быта, потребления масштабы потерь и обретений если не равны, то сопоставимы, сравниваемы друг с другом. Во всяком случае, реальные условия жизни народного большинства, реальную социальную ситуацию в России 90-х гг. неверно характеризовать преобладанием одной тенденции: к ухудшению, либо к подъему. Здесь принципиально важно именно выявить противоречие параллельного развертывания двух разнонаправленных тенденций» (с. 479).

Я думаю, что это очень осторожная оценка, хотя более определенную действительно дать трудно. Периоды радикальных перемен, по теории Петра Штомпки, травматологичны, крайне болезненны. Если больной выжил, значит не все потеряно и жизнь наладится.

Еще раз хочется сказать, что Л. Гордон и Э. Клопов совершили научный и гражданский поступок: предоставили нам и потомкам добротню обоснованную фактами, реальную социально-экономическую и социально-культурную картину происходивших в 90-е годы драматических преобразований всей общественной системы. Кто другой проделал подобную титаническую работу?

Вот уже несколько лет Российская академия не может определить достойного кандидата премии по социологии. Теперь, я думаю, кандидаты есть, и бесспорные.

Книга Л. Гордона и Э. Клопова взывает к социальному осмыслению экономических трансформаций. Ее надо положить на рабочий стол каждому принимающему решения экономисту и политику.